

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Национальный исследовательский Томский государственный университет
Филологический факультет

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Сборник материалов VI (XX) Международной конференции
молодых ученых

г. Томск, 18–19 апреля 2019 г.

Выпуск 20

Под редакцией канд. филол. наук Е.О. Третьякова

Scientific & Technical Translations

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Томск 2020

МОТИВ ВОЗВРАЩЕНИЯ В ПОВЕСТИ В. МАКАНИНА «ГДЕ СХОДИЛОСЬ НЕБО С ХОЛМАМИ»

Малькова А.В.

Томский государственный университет, аспирант

THE MOTIVE OF RETURNING IN THE NOVEL OF V. MAKANIN "WHERE THE SKY CONVERGED WITH THE HILLS"

Malkova A.V.

Tomsk State University, post-graduate student

В основе сюжета повести «Где сходились небо с холмами» (1984) повторяющаяся ситуация возвращения, восходящая как к архаической (онтологической) семантике инициации, так и к христианской (этической) семантике обретения истины в исконном мире. Троекратное повторение ситуации возвращения в покинутый «дом» соответствует не столько принципу эпической градации (накопление вины перед родным миром), сколько принципу выявления изменчивости жизни, невозможности предотвратить ее распад. Мотив возвращения выявляет причастность индивида к энтропии в жизненном цикле, этическую вину за энтропию малого мира, которым питается каждый феномен этого мира, и экзистенциальную вину за необратимость течения жизни.

Ключевые слова: В. Маканин, мотив, повесть, притча, миф, повтор, возвращение.

In the base of the plot of the novel "Where the sky converged with the hills" (1984) a recurring situation of return, dating back to both the archaic mythological (ontological) semantics of initiation, and to the Christian (ethical) semantics of finding truth in the primordial world. The threefold repetition of the situation of returning to the abandoned "house" corresponds not so much to the principle of epic gradation (accumulation of guilt before the native world) as to the principle of revealing the changeability of life, the inability to prevent its disintegration. The motive of return reveals the individual's involvement in entropy in the cycle of life, the ethical blame for the entropy of the small world, which feeds every phenomenon of this world, and the existential blame for the irreversibility of the flow of life.

Key words: V. Makanin, motive, novelette, parable, myth, repetition, return.

*Научный руководитель:
Рыбальченко Татьяна Леонидовна,
канд. филол. наук, доцент.*

Ситуация возвращения изначально восходит к концепции циклического времени, периодичности возрождения в мифологической картине мира, что М. Элиаде [1] назвал мифом о «вечном возвращении». Возвращение в мифе «примиряет индивидуальное сознание с вселенной волей» (Дж. Кэмпбелл [2]). Возвращение — финальная стадия инициации, испытание и получения нового знания о законах бытия. Пройдя инициацию, индивид обретает сакральный центр и гармонизирует свой мир, становясь героем. В христианстве мотив возвращения конкретизируется в этической семантике в притче о блудном сыне, герой которой уходит в «землю чуждую» не для познания бытия, а для удовлетворения собственных желаний. Поэтому его возвращение трактуется не как обретение, а как «истраченность»; он возвращается в «отчий дом» не с новыми знаниями, а с осознанием подлинности ценностей своего Дома. В притче, рассказанной Иисусом в Евангелии от Луки, возвращение трактуется как признание истинности Дома, мира, сотворенного Богом, отсюда дидактическая семантика притчи — прощения «блудного», не искавшего, а заблудившегося человека. Человек (сын Бога) не становится творцом, он принимает мир Отца как данность и совершенство. В мифе сюжет возвращения отличается от евангелического целью (уход в большой мир для познания / завоевания / преобразования) и миссией героя (обретение сакрального знания для внесения в мир).

В основе повести В. Маканина «Где сходились небо с холмами» (1984) история творца (музыканта), от-

правленного поселком в столицу для учебы (соответствие архаическому сюжету). Георгий Башилов (герой повести) состоялся как композитор, получил всемирное признание и возвращается в родной мир не истратившимся. Однако, в отличие от притчи, он возвращается в разрушающийся малый мир и не прощен этим миром, возлагающим на него вину за разрушение дома и исчезновение духа музыки в поселке. Важно еще одно отличие от евангелической притчи: Башилов — сирота, выращенный поселком (родом) после гибели родителей. Прежде чем объяснить, обрел ли новые знания герой, отправленный на их обретение, в чем его вина перед родом, пославшим героя на инициацию, соотнесем фабулу повести с мифологическим сюжетом. Поставим такие вопросы: 1) стал ли выход в большое пространство жизни инициацией, то есть обретением ценностей; 2) есть ли в возвращении домой цель сохранения дома и почему Дом отвергает цели героя восстановить дух (мелос) прошлого уклада жизни.

В сюжете повести не только конкретизируются психологические и социальные обстоятельства истории героя, но и трансформируется исходный мотив возвращения, лишаясь однократности, обретая повторяемость. В повести герой трижды возвращается из столицы, от успешной жизни в родной поселок. Возвращения соотносятся, но контрастируют с эпическим нарративным принципом троекратности, в котором выражается устойчивость процессов (эпическая троекратность построена на градации). В повести Маканина троекратность показывает не статичность,

а процессуальность жизни. С одной стороны, сходное с градацией повторение позволяет изобразить психологический процесс — развитие миропонимания персонажа. Сюжет показывает осознание и накопление вины героя перед Домом, который не столько обрел в большом мире новые знания, сколько использовал обретенное в детстве знание народного мелоса. Башилов не создает свои мелодии, но преобразует, вводит родовой мелос в музыку нации и всего человечества. Не менее важно и то, что повторяющиеся ситуации возвращения показывают процесс разрушения, распада жизни поселка, что вызвано и историческими изменениями, и природным законом — цикличностью феноменов жизни: рождение — развитие — смерть. Неизбежность распада объясняется в повести как условие, необходимое для возникновения нового цикла жизни. Жизнь строится на разрушении, возникает из соединения распавшихся форм. Башилов сравнивает себя то с кустом, который питается соками почвы земли, постепенно разрушает ее; то с колосом, вырастающим из разрушения зерна.

Маканин вступает в диалог не только с логикой притчи, но и мифа. Герой повести не тождествен притчевому персонажу, поскольку не расточает талант, не ищет успеха. Сюжет повести изображает процесс признания творцом своей экзистенциальной вины, который сначала отказывается, не принимает обвинения, затем признает вину и в заключительной части стремится искупить ее.

В отличие от притчи Дом в повести представляет не гармоничную, а аварийную, подверженную «повреждению» (этимологическая основа названия поселка) жизнь. Поселок Аварийный построен вблизи нефтеперерабатывающего завода, на котором часто случаются аварии (родители главного героя погибают в пожаре). Пороговое положение человека между жизнью и смертью становится предпосылкой зарождения традиции хорового пения — поминальные песни и одновременно песни, укрепляющие силы для продолжения жизни. Название повести «Где сходилась небо с холмами» отражает семантику пространственного локуса жизни между материальным и нематериальным существованием, соединение земного и небесного, отсутствие границы, разделяющей жизнь и смерть, слов и музыки.

Условное пространство поселка, место аварийной и жертвенной жизни, наполнял песенный ритуал: «аварийщики пели не только на поминках — они пели и при рождении ребенка, пели на редких своих свадьбах, пели на праздниках, пели по воскресеньям и пели просто так, от скуки, долгими вечерами» [3, с. 118]. Мальчик Башилов в пении старался превзойти всех, что нравилось окружающим: «Фактически уже в пору детства Башилов был не солист, исполняющий вместе с хором, а художник, боящийся быть “лично заданным” в согласной массе хора» [4]. Когда в консерватории «старичок»-преподаватель напомнил о плате за талант, то вызвал усмешку молодого Башилова. Однако уже первое возвращение в поселок молодого Башилова после окончания консерватории фиксирует «безотчетный страх перед поселком: страх сознаться в личном» [3, с. 132]. Башилов не рассказывает аварийцам об успехах, о своей женитьбе. Но обвинение Василисы-старой, что он виновник ослабления духа в поселке («У, пьявка... высосал из нас соки!» [3, с. 123]), кажется Георгию незаслуженным.

Второе возвращение в поселок зрелого Башилова вызвано целью приобщить жену к своей родине. Возвращаясь в поселок, Башилов видит следы материальных разрушений, природное оскудение («Клены составились; при такой жаре их чахлая тень не защищала святого места» [3, с. 143]), распад связей: не поют песен, не собираются вместе. Мысль о необратимости времени не оправдывает, а усиливает чувство личной вины: «Он смотрел туда, где сходилась небо с холмами. <...> стоило закрыть глаза, линия холмов рождала мелодию еще раньше, чем он успевал о чем-либо подумать. Но, кажется, волнистая эта линия плодоносила именно в воспоминаниях. И здесь, наяву эта местность уже ничего не рождала» [3, с. 146]. По Маканину, возможно только ментальное возвращение (но и в воспоминаниях меняется модальность), поскольку нет ничего постоянного («жизнь — река с быстрым течением», по выражению Маканина), и в поселке «теперь иные порядки», «песен не поют», остаются лишь следы бывшего (полуразрушенные столы, где собирался род, места в окрестности, где в детстве любил гулять главный герой).

Третье возвращение вызвано осознанной целью — создать в поселке детский хор. В поселке Башилова никто не узнает, кроме постаревшего дурачка Васику. Идея столичного композитора вернуть музыку детям кажется современным жителям вредной («Вали отсюда» [3, с. 163]). Пение дорогого только Васику, но его «ужасное мычание» потрясает Башилова выраженной дисгармонией. Музыка как интенция к выражению души в поселке осталась в крике младенца и дурака: «Минута, когда прозвучал высокий и чистый голос ребенка, приближалась в тишине и в темноте неслышно, сама собой» [3, с. 167].

В поселке песенная традиция (хоровое пение, игра на гармонии) замещается техническими приспособлениями (транзистор — англ. «перенос; перемещение»), и музыка сводится не к исполнению, а к воспроизведению исполненного кем-то; она не объединяет людей. Вырождение песенной традиции знаменует процесс развития культуры: рождение в родовом сознании потребности сопровождать материальную жизнь ее духовной (ценностной) интерпретацией сменяется индивидуальным творчеством, которое не изобретает, а совершенствует родовое искусство, делая невозможным его повторение всеми членами рода. Персональное искусство рождает принцип потребления искусства и отделяет род от творчества. В повести Маканина моделируется в современной цивилизации развитие культуры: от родовой к массовой.

Троекратное возвращение раскрывает осознание необратимости изменений, «самотечности жизни» (выражение В. Маканина) и рождение экзистенциальной вины в носителе культуры. Раскрытие таланта, а не его безрезультатное хранение, тем не менее, сопряжено с расточением, потому что талант использует созданное предшествующей жизнью, даже развитие, совершенствование форм не приводит к творению нового. Поэтому возвращение не возрождает жизненные силы в то, из чего питался художник. Финал евангельской притчи соединяет отца и сына, восстанавливает ценности. Финал повести Маканина разрушает притчевую дидактику, открывая силу онтологии: жизнь строится на разрушении, потому что кормящая материя отдает свои жизненные силы новой жизни.

Литература

1. Элиаде М. Миф о вечном возвращении. — СПб. : Алетейя, 1998. — 249 с.
2. Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой. — СПб. : Питер, 2018. — С. 291.
3. Маканин В. Где сходилось небо с холмами : повести. — М. : Современник, 1984.
4. Бочаров А. Чем жива литература? Современность и литературный процесс. — М. : Сов. писатель, 1986. — С. 228.